

УДК 028:821.111411.09-31

ББК 76.103(2)52,42

DOI 10.25281/2411-2305-2024-1-87-100

Н.Н. Мисюров

Феномен «нескучной» книги: романы В. Скотта в круге русского чтения (1820—1830)

Реферат. Актуальность анализируемой проблемы обусловлена феноменом субкультур, складывающихся вокруг того или иного успешного издательского проекта. Рассматривается функционирование популярных романов В. Скотта в социокультурном пространстве, роль литературной новинки в формировании определенных когнитивных «смыслов», аксиологический аспект межкультурных связей. Новизна решения исследовательской задачи — в междисциплинарном подходе, смещении акцента с традиционного литературоведческого аспекта на книговедческий, что позволяет оценить эмпирический материал в разных ракурсах. Характерное для завершающегося этапа романтической эпохи «нескучное» чтение, сближающее автора и читателя, есть результат писательского мастерства и усовершенствования издательского дела, а также сопутствующих процессов (переводческая деятельность, книжная торговля, формирование публичных библиотек и частных собраний). Показано влияние быстро изменяющихся исторических обстоятельств на вкусы читательской аудитории.

Ключевые слова: Вальтер Скотт, художественная литература, переводная литература, история чтения, чтение в России, книжная культура.

Для цитирования: Мисюров Н.Н. Феномен «нескучной» книги: романы В. Скотта в круге русского чтения (1820—1830) // Библиография и книговедение. 2024. № 1. С. 87—100. DOI: 10.25281/2411-2305-2024-1-87-100.

Вечность книги заключается в том, что она есть способ отражения и средство формирования сознания — личного и общественного; эта ее уникальная «форма, рождающая сущность» актуализируется в процессе чтения как деятельности, которую следует рассматривать промежуточным результатом «воспроизводства» книжного издания. Литературоведческая парадигма чтения и читателя акцентирует роль писате-

**Николай Николаевич
Мисюров**

Омский государственный
университет
им. Ф.М. Достоевского,
кафедра журналистики
и медиалингвистики,
профессор
Мира просп., д. 55-а, Омск,
644077, Россия

доктор философских наук,
профессор
ORCID 0000-0001-5997-9653
misiurovnn@omsu.ru

ля, художественного текста, критика, а книговедческая парадигма описывает совместное участие в этом процессе книгоиздателя, типографа, иллюстратора, переплетчика, книгопродавца (подробнее см. статьи А.А. Беловицкой, напр.: [1, с. 58–59]). Читатель — главное лицо, своеобразный центр притяжения книжной культуры.

Читатель и успешная книга

Трудно переоценить значение иностранных книжных новинок для просвещения и воспитания русского общества на протяжении долгого времени и в особенности в эпоху, последовавшую за окончанием Отечественной войны 1812 г., когда остановившая наполеоновское нашествие «двунадесяти языков» Россия по праву заняла полагающееся ей место в ряду ведущих европейских держав. Издательское дело совершенствовалось, книготорговля вышла на новый уровень, расширялся международный книгообмен. Едва в тогдашней русской жизни обозначился «приток европейских начал», указывал академик П.Н. Сакулин, тотчас возник первостепенный и принципиальный для национального самосознания вопрос о «своем» и «чужом» — о «народности» [2, с. 143].

Энтузиазм и любовь к Отечеству, устойчивый интерес к словесности, а также книгам, относящимся к точным наукам, — все «обратилось в ленивую привычку», иронично писал А.А. Бестужев-Марлинский, оценивая «теперешнее» состояние отечественной публики; издатели по-прежнему обогащались на сонниках и разбойничьих романах «для домашнего обихода», появились географические «известия» о Кавказе, вошли в моду как

«порядочные», так и «сомнительные» переводы прекрасных романов Вальтера Скотта (1771–1832) [3, с. 395].

Отечественная литература обрела наконец «зрелость и возмужалость». О чем толкуют журналы? Литература сделалась «эхом жизни»; понятие «действительности», писал в одном из журнальных обзоров критик В.Г. Белинский, теперь принято противопоставлять вчера еще модному понятию «романтизма», мечтательности и отвлеченности. Как судят теперь об этих важных предметах — вопрос другой. Наряду с гениальным художественным созданием мы увидим «множество созданий, принадлежащих сильным талантам, за ними бесконечный ряд превосходных, примечательных беллетристических произведений», дойдем и до «порождений посредственности» — таков феномен всеобщего читательского успеха художественных сочинений на историческую тему [4, с. 78].

Эти умонастроения были результатом увлечения стариной, романтическая идея самобытности всякой национальной культуры предполагала равноправие и равноценность «голосов народов», неподдельный интерес к славному прошлому своего народа и старинным обычаям предков. Исторический роман как воплощение представлений — авторских и читательских — об успешном литературном произведении и увлекательном, «нескучном» чтении соединил в себе возможности и достижения других жанровых форм романтического искусства (драмы, лирической поэмы и баллады, дневника путешествий, историографических записок, пейзажной и жанровой живописи).

Романам В. Скотта, «шотландского гения», принадлежит особое место, отмечал князь П.А. Вяземский, ибо он «избран судьбой» быть романистом; дарованием, творчеством и нравственной жизнью своей доказал высокое звание, добившись славы на родине и всеобщего признания восхищенной Европы, но более всего — огромной любви русского читателя [5, с. 95]. Об основаниях нашего увлечения, да что там, преклонения перед его талантом В.А. Жуковский сказал так: «Какой разнообразный мир обхвачен его гением! Он до всего коснулся, от самого низкого и безобразного до самого возвышенного и божественного, и все изобразил с простодушной верностью, нигде не нарушил с намерением истины, нигде не оскорбил красоты, во всем удовлетворил требованиям искусства» [6, с. 335; 7]. Вообще, были ли у него более благодарные читатели, нежели читатели русские? Справедливо замечено классиком отечественного книговедения, что история литературы, всемирной и отдельно рассматриваемой национальной, — в первую очередь история книги [8, с. 90].

«Вальтер-скоттовский» период нашей литературы обусловлен не эстетическими воззрениями на взаимоотношения искусства и жизни, не жанровыми и стилевыми тенденциями, но прежде всего читательскими пристрастиями, поразительным феноменом «нескучной» книги.

Отметим, что данная тема активно разрабатывалась литературоведением и книговедением советского времени (в первую очередь стоит упомянуть работы М.П. Алексеева [9], А.А. Елистратовой [10], Б.Г. Реизова [11], а также

Ю.Д. Левина [12]). Бесценный источник для исследователя — биобиблиографический указатель И.М. Левиной, выпущенный Всесоюзной книжной палатой к 125-летию со дня смерти писателя (1958) [13]. Знаковое событие уже нашего времени — выставка «Вальтер Скотт в России (русские переводы 1820–1832 гг.)», посвященная 250-летию со дня рождения великого шотландского романиста, организованная в Библиотеке Российской академии наук (2021). На этой выставке были представлены первые издания русских переводов сочинений, выпущенные отдельными книгами при жизни автора (за десятилетие были переведены и изданы все романы «шотландского чародея»).

Что читал Печорин, или «Шотландский чародей» в России

В знаменитом романе М.Ю. Лермонтова «Герой нашего времени» есть один весьма примечательный, представляющий несомненный интерес для предпринятого исследования эпизод — накануне дуэли с Грушницким Печорин, дабы скоротать время, берет в руки книгу: «Я помню, что в продолжение ночи, предшествовавшей поединку, я не спал ни минуты. Писать я не мог долго: тайное беспокойство мною овладело. С час я ходил по комнате; потом сел и открыл роман Вальтера Скотта, лежавший у меня на столе: то были “Шотландские пуритане”; я читал сначала с усилием, потом забылся, увлеченный волшебным вымыслом... Неужели шотландскому барду на том свете не платят за каждую отрадную минуту, которую дарит его книга?» [14, с. 439].

Любопытно, что за издание — полноценный перевод с английского или же распространенная тогда «переделка» с французского, в чьей типографии, столичной петербургской или же московской, отпечатана — оказалось на столе главного героя? Попытаемся выяснить, что же это за «нескучная» книга, насколько типична по форме и содержанию для тогдашнего времени, что представляет собой как результат трудов сочинителя и издателя, корректора и типографского наборщика, книгопродавца и переплетчика, где возможно ее купить, просто взять почитать, какое подобающее место занимает в культуре повседневности, какова обычная судьба ее как вещи и как источника знаний, как душеполезного предмета досуга.

Это все же не оригинальное издание. Почему? Поначалу допустим возможность обладания Печориным (вряд ли книга досталась ему в придачу к житейским удобствам нанятой квартиры) изящным томиком достопримечательного собрания романов — *Waverley novels* (Edinburg, Cadlle and C^o, 1829—1833, vol. 1—48) — напечатанным правообладателями для поддержки разоренного банкротством компаньонов В. Скотта незадолго до его кончины. Печорин достаточно обеспечен, стеснять себя ни в чем не привык, но книга для него особой ценности не имеет, можно обойтись первой попавшейся под руку. Повествователь байронические сочинения точно читал, судя по глубокомысленному ответу на простецкий вопрос Максима Максимовича о том, кто же «ввел моду скучать», но ничто не свидетельствует о его библиофильских пристрастиях к эксклюзивной (как

сказали бы теперь, качественной) модной книге.

Сам Лермонтов, по воспоминаниям современников (например, товарищей по юнкерской школе), знал английский язык. И.И. Панаев, описывая подробности «исторического» свидания В.Г. Белинского с находящимся под арестом Лермонтовым, упоминает обстоятельный разговор их об английской литературе и непосредственно о Вальтере Скотте. Знаменитый критик, сотрудничавший с лучшим на ту пору журналом «Отечественные записки», удивлялся познаниям «одолевшего» его окончательно Лермонтова [15, с. 136].

Журнальных обзоров английских книжных новинок, учитывая галломанию как культурную доминанту, было немного, скорее всего, Лермонтов самостоятельно получал сведения о литературной жизни Туманного Альбиона из каких-то других источников. Среди его друзей были собиратели книг и обладатели неплохих по тематическому подбору библиотек. Лермонтов упоминается [16, с. 174] и в числе корреспондентов известнейшего библиофила С.А. Соболевского (фигура заметная, человек разностороннего ума и европейского образования, чем-то напоминающий печоринский тип, «он мог бы стать в ряды отечественных деятелей, но в погоне за наслаждениями жизни и светским обществом разменял свои дарования на мелкую монету», — писал о нем современник [17, с. 22]).

В одном из писем к милой бабушке Лермонтов настоятельно просит прислать «сюда тотчас» (в Пятигорск, куда он прикомандирован, как тогда говорилось, «на линию») «пол-

ного Шекспира», непременно на английском, «да не знаю, — пишет он, — можно ли найти в Петербурге» [14, с. 632]. Как видим, Лермонтов на покупке нужных и желанных книг экономить был не намерен, однако о книгах В. Скотта в его личной библиотеке конкретных библиографических сведений не приводит даже «Лермонтовская энциклопедия» [18, с. 507–508].

Дело даже не в знании или же незнании языка, и не в отдаленности Кавказа, форпоста Российской империи, от «просвещенной» Европы, откуда каким-то чудом только может попасть новое издание очередного долгожданного шедевра «шотландского чародея» (таков был титул В. Скотта в космополитической среде многочисленных почитателей его таланта). По поводу ажиотажа, вызываемого в Англии и Европе каждой книгой, сам автор в одном из писем признавался с каким-то даже удивлением, что самая первая книга («Уэверли, или Шестьдесят лет назад») «произвела очень сильное впечатление» на публику, потому все с нетерпением ждали новых романов [19, с. 457; 20; 21].

На деле все гораздо проще: в оригинале имевший коммерческий успех тотчас же переизданный роман (издательство W. Blackwood and J. Murray, Edinburgh, 1816) по каким-то соображениям был озаглавлен «Кладбищенский старик» (первоначально входил в серию «Рассказы трактирщика»). Привычное нам название «Пуритане» роман обрел благодаря успеху одноименной оперы В. Беллини (премьера в Париже, в Итальянской опере, 1835) на сюжет даже не самого романа, а драматургической переделки двух

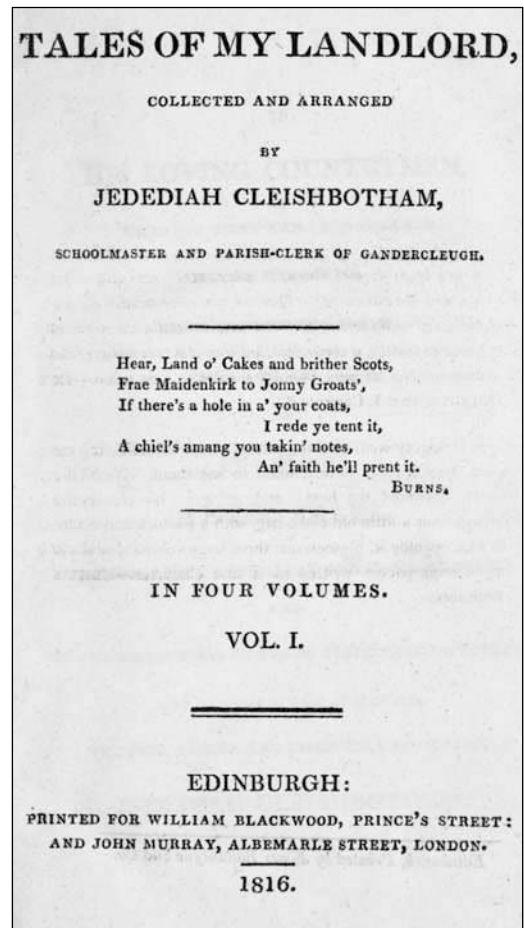

Рис. 1. Титульный лист первого издания романа «Пуритане» («Рассказы трактирщика») (Эдинбург, 1816)

второстепенных французских авторов «Круглоголовые и кавалеры» (так именовались когда-то обе стороны гражданской войны в Англии).

Приведем также наиболее весомый аргумент. До сих пор все британские переиздания одного из лучших романов «шотландского» цикла озаглавлены по-старому — «Кладбищенский старик». (Да и с чего бы англичанам переименовывать название шедевра своего национального классика толь-

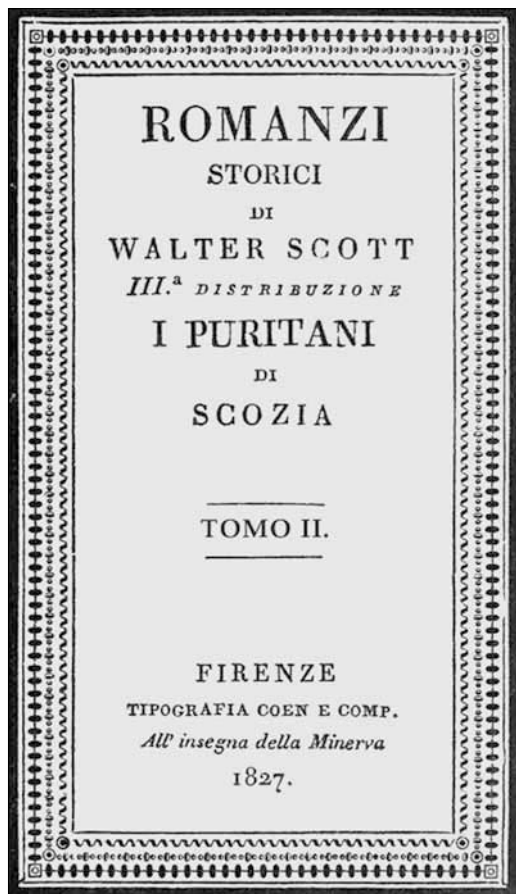

Рис. 2. Обложка первого европейского переводного издания романа «Пуритане» (Флоренция, 1827)

ко потому, что так поступают французы с немцами или же русские!) Приведем в пример несколько изданий полувековой давности и современных: London, Collins, 1954; Baltimore, Penguin Books, 1975; Harmondsworth, Penguin Books, 1980; London, Penguin Books, 1985; наконец, новейшее переиздание того же солидного, прославленного британского издательства в серии Penguin Classics, 2023. В этой новинке вообще восстановлено первоначальное заглавие поступившей

когда-то в типографию рукописи — «История, рассказанная кладбищенским стариком».

Все европейские издания романа озаглавлены, разумеется, «Шотландские пуритане» или просто «Пуритане». Показательно в этом случае одно из первых итальянских изданий — Firenze, Coen e Comp., 1827, в двух томах, по всей видимости, сокращенный перевод, поскольку французские издания 1830-х гг. обычно выходили в четырех томах, как и русские той поры — в четырех частях (это связано с четным количеством сброшюрованных типографских тетрадей, затем самостоятельно уже переплетавшихся счастливыми обладателями купленной книги по собственному вкусу и в соответствии с размерами книжных полок в библиотечных шкафах). Что касается в буквальном смысле слова нашествия французских «образцов изящного» в литературе, то приведем язвительное высказывание Н.А. Полевого на эту тему: французских рассказов «довольно было у нас переведено и пущено в ход» [22, с. 345; 23]. С таким изменившимся отношением к французам, как изобретателям всякой моды, появились в русском обществе иные умонастроения (перефразируя одного из героев комедии А.С. Грибоедова, «когда отстали? в чем?»); не ошибемся, если вообразим в руках образованного русского человека чужую интересную книгу, теперь уже на родном языке изданную.

Собственно, какое-то французское издание (перевод и сама книга) вряд ли «завалилось» на столе молодого офицера действующей армии, за несколько дней успевшего сменить Пятигорск на Кисловодск (там «водяное

общество» состоит из жен местных чиновных властей, а также семейств степных помещиков и раненых молодых офицеров, здесь же в благородном собрании анонсировано выступление гастролирующего фокусника, некоего Апфельбаума). Со смертью В. Скотта интерес к его романам во Франции совершенно иссяк, появились свои романисты в духе «великого Неизвестного» (так называли В. Скотта в связи с его странной, затянувшейся игрой в инкогнито), издания двадцатилетней давности в дворянском обиходе, даже в провинции вытеснены другими модными литературными новинками, библиотечным собирательством Печорин (судя по сюжету и типу характера «лишнего человека») не интересуется.

Для примера приведем одно из заметных французских изданий, не такое уж редкое для российских библиотечных фондов и обычных интернет-аукционов: «Антикварий», появившийся на книжном рынке во французском переводе сразу же после выхода оригинального издания (Paris, Jouvet et Co, 1818). Любопытна — как свидетельство непонимания, различия между французской и британской культурной традицией — современная аннотация: «не принадлежит к историческому жанру, это роман нравов, иногда граничащий с готическим романом, иногда с комедией».

Правда, некоторые русские издания В. Скотта были бледными копиями оригинальных шедевров, потому как являлись переводами с французских переводов; например, роман «Кенильворт» — «с присовокуплением замечания о Кенильвортском замке и жизнеописания графа Лейчестера»

(Москва, в тип. Августа Семена, 1823). Вот еще один «образчик» коммерческого подхода к задачам межкультурного диалога — изданный В. Броневским роман «Гай Маннеринг, или Астролог» (1815) в переводе с французского (Москва, Университетская тип., 1824); скорее всего — переделка на основе популярной тогда пьесы Д. Терри по мотивам этого романа. И такая книга пользовалась успехом у невзыскательной публики!

В 1826 г. появился роман А. де Виньи «Сен-Мар, или Заговор времен Людовика XIII», моментально сделавшийся популярным и у французского, и у русского читателя, благодаря заинтересованным в успехе предприятия издателям (нынешнему отечественному читателю эта эпоха хорошо знакома по куда более известному историческому роману А. Дюма «Три мушкетера»); первое издание — Paris, Menard editions, 1827 (издательство до сих пор существует!). Сочинение французского романтика и пристрастными критиками, и публикой было воспринято как блестящее подражание достойного молодого соперника прославленному литературному мэтру. Кстати, этот роман у нас в России издавался чаще, нежели в самой Франции. В 1831 г. его потеснит с Парнаса В. Гюго со своим романом «Собор Парижской Богоматери» (первое издание Paris, C. Gosselin editions, 1831), менее качественным в отношении литературного мастерства и увлекательности в привычной манере В. Скотта. Скорее всего, Печорин читает книгу именно в русском переводе, постарается доказать это.

Первое, что следует упомянуть, — печоринское владение языками:

с обиходным языком дворянской культуры все в порядке, как сказал однажды П.Я. Чаадаев, французский — вроде полагающегося в приличном обществе фрака [24, с. 227]. Не может всесторонне образованный молодой человек из петербургского высшего света, высланный на Кавказ за какую-то вызывающую «шалость» или же возмутительную «историю», читать французскую книгу «с усилием» (разумеется, этим выражением автор маркирует настроение героя перед смертельной дуэлью, но все-равно к чтению французского текста оно никоим образом не подходит). Следовательно, либо книга на английском, но если Печорин — пусть и не «двойник» самого автора, но принадлежит его кругу, то опять-таки читать «с усилием» по-английски он никак не может, это звучит оскорбительно. Остается один-единственный правдоподобный вариант: книга на русском, а читается «с усилием» потому, что к русским книгам Печорин еще не привык, он, как и многие европейские воспитанные дворяне, ею пока пренебрегает.

Не будем забывать, что литературный русский язык, общенациональный по употреблению, варьирующийся по разнообразным функциям и сферам бытования (деловой, разговорный, научный, художественный), едва только формировался в 1820–1830-е годы. Существенно активизировала этот процесс Отечественная война 1812 г., кардинально изменившая умонастроения русского общества, пробудив патриотические чувства в дворянских кругах и в народе. Неустойчивость языковой нормы фиксирует «Словарь Академии Рос-

сийской» (Санкт-Петербург, тип. при Императорской Академии наук, ч. I–VI, 1789–1794; второе издание — 1806–1822 гг.).

По поводу этого издания и его роли в развитии отечественной культуры напомним признание А.С. Пушкина на страницах романа «Евгений Онегин»: «Мой бедный слог пестреть гораздо б меньше мог иноплемennыми словами, хоть и заглядывал я встарь в Академический словарь» [25, с. 21]. Язык менялся весьма интенсивно, в качестве примера приведем два знаковых издания той поры, сильно отличающихся друг от друга, как небо и земля, не только в отношении стилистики, но также грамматики и орфографии, синтаксиса (причем не только поэтического); между этими двумя книгами пролегал лишь несколько лет.

«Анакреонтические оды» Г.Р. Державина (в Петрограде, именно так — из поэтических соображений — на титульном листе, в тип. И. Шнора, 1804), на веленовой бумаге, но с обширным перечнем опечаток, цену в ходе продажи пришлось уменьшить в половину. Предприимчивому книгопродавцу И.П. Глазунову удалось получить из типографии «на комиссию» свыше 1000 экземпляров. В 1808–1816 гг. тот же издатель выпустил «Сочинения Державина» (Санкт-Петербург, тип. И.К. Шнора, 1808–1816), часть 3-я, представлявшая собой расширенный поэтический сборник, вышла вперед 1-й и 2-й. «Опыты в стихах и прозе» К.Н. Батюшкова в 2 частях (Санкт-Петербург, в тип. Н. Греча, 1817) — анонс выхода издания по подписке в журнале «Сын Отечества» в № 45 (часть 49-я) за 1818 г.,

в журнале «Благонамеренный» — о поступившей в продажу книге с помещенной в целях рекламы литографированной обложкой в № 21 за 1819 г. (очевидно, по причине малого числа подписчиков). О какой-либо школе перевода в этих условиях говорить рано.

Итак, скорее всего, в руках литературного героя оказалось одно из изданий романа В. Скотта предшествующего десятилетия: «Шотландские пуритане, повесть трактирщика, изданная Клейшботемом, учителем и ключарем в Гандер-Клейге» (Москва, в тип. В. Селивановского, 1824, в 4 частях). Указан переводчик — В. Соц (автор мелких статей и заметок, печатался в журналах «Сын Отечества», «Благонамеренный», служил в цензурном комитете при Министерстве просвещения), все-таки с французского!

Впрочем, В. Скотту действительно повезло с русскими поклонниками его таланта. Едва выходит оригинальное издание нового его романа «Вудсток, или Кавалер» (Edinburg, Constable and Co, 1826), появляется русское переиздание: «Вудсток или Кавалер. История времен Кромвеля», в переводе А. Герасимова (Москва, тип. С.И. Селивановского, 1829). Роман «Сен-Ронанские воды» (Edinburg, Constable and Co, 1823) становится доступен русскому читателю некоторое время спустя — в переводе М. Воскресенского с французского издания (Москва, Университетская тип., 1828). Парижское издание романа «Роб Рой» значительно опережает русское издание — «Роб Рой. С историческим известием о Роб-Рое Мак-Грегоре Кемпбеле и его семействе, в 4-х частях»

(Москва, тип. И. Степанова при Императорском театре, 1829), но все-таки это тоже прижизненное издание великого писателя.

Однако в 1830-х гг. русская публика снова увлеклась французскими книгами. Н.А. Полевой (в журнальном обзоре «О романах Виктора Гюго и вообще новейших романах», 1832) признавал все же влияние «вальтер-скоттовской» традиции: «Открылось, что каждый народ жил отдельною умственною жизнью сообразно местной природе и законам своей истории». С.П. Шевырев (в публичных чтениях «История поэзии», 1835) объяснял все тем, что во Франции «литература была всегда дополнением общественной жизни» [21, р. 356, 520]. Отыскивались и собственные таланты. П.А. Катенин (в частном письме) опубликованный в первых номерах пушкинской «Литературной газеты» отрывок из романа А. Погорельского «Магнетизер» оценил так: «Не хуже и не лучше многих нынче появляющихся повестей с замашками Вальтер Скотта» [26, с. 303].

Разумеется, профессиональные литераторы воспринимали и оценивали творчество писателя совсем иначе, чем сотни тысяч его обыкновенных читателей и почитательниц. Современники часто открывали его «нескучную» книгу, чтобы «забыться или развеять хандру, чтобы избавиться от тяжелых мыслей или скрасить медленно текущее время» [27, с. 123]. Романы «шотландского чародея», столь полюбившиеся русскому читателю, два десятилетия подряд удержавшиеся в национальном топе, как сказали бы сегодня, ставшие бестселлерами, на каком-то этапе своеобразной эво-

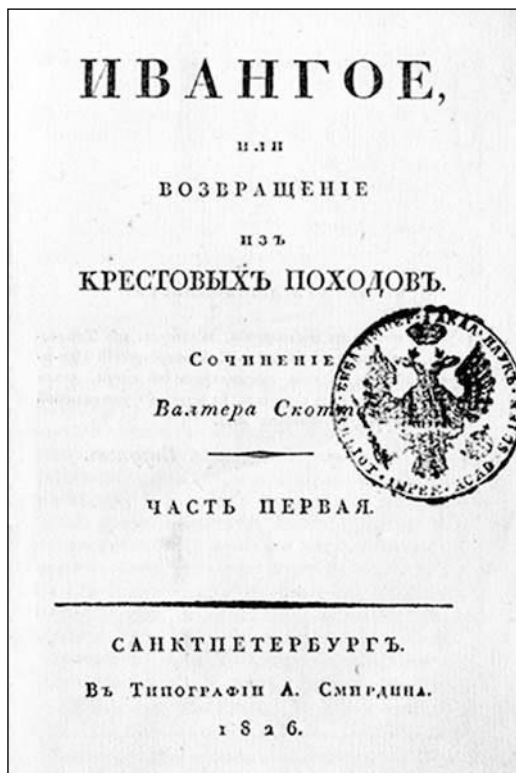

Рис. 3. Титульный лист первого русского издания романа «Айвенго» («Ивангое, или Возвращение из Крестовых походов») Источник: http://www.rasl.ru/events/2021_events/scott_w_fotogalery.php

люции читательских представлений о «нескучной» книге оказались что называется «задвинутыми» на книжную полку¹, уступив место другим книгам, в первую очередь русским, более соответствовавшим изменившимся жизненным обстоятельствам, духовному состоянию общества, потребностям национального развития.

Кончина прославленного писателя в 1832 г. вызвала на удивление мало откликов в русских журналах, равнодушные поэтов и критиков, журналистов и подписчиков А.С. Пушкин объяснял так: смерть его «не есть со-

бытие литературное», между тем о его романах «впопад и невпопад было говорено довольно»; для того чтобы ответить на вопрос, чем был для нас Вальтер Скотт, необходимо для начала ответить на более значимый вопрос «Что такое наша публика? Что такое наши писатели?» [28, с. 482]. Следом возникает вопрос и о читателях...

Круг чтения образованной публики в последующее десятилетие (без Пушкина!) неизбежным образом менялся, по убеждению П.А. Вяземского, не в лучшую сторону: литераторы «перерождаются» в публицистов, «политические лица», «трибуны», депутаты и министры, бойкие журналисты потеснили «вдохновенных» поэтов; «кто нынче пишет романы», сетовал он [5, с. 307]. Пожалуй, не совсем справедливое суждение.

Читательская аудитория вчера и сегодня

Русская действительность такова, констатировал Н.А. Рубакин в известной своей работе еще дореволюционной поры («Этюды о русской читающей публике», 1895), что статистика поверхностно описывает глубоко лежащие проблемы организации книжного дела и распространения книги (просветительской и воспитательной) в столицах и в провинции. Отечественный читатель «до настоящего времени в значительной степени живет стариной»; это не только количество и качество выпускаемых научных и художественных, «беллетристических» книг, но прежде всего дороговизна, цензурные препятствия, всевозможные затруднения в рассылке печатной продукции и приобретении необходимой

Рис. 4. Фронтиспис и титульный лист издания романа «Кентень Дюрвард, или Шотландец при дворе Людовика XI»

Источник: http://www.ras.ru/events/2021_events/scott_w_fotogallery.php

Мисюров Н.Н. Феномен «нескучной» книги: романы В. Скотта в кругу русского чтения (1820–1830)

книги и т. д.; конкуренция с заграничными издателями, подчас творения лучших русских писателей «легче и дешевле купить в немецком переводе, чем в русском подлиннике» (sic!); наконец, неудовлетворительное состояние или же вообще отсутствие публичных библиотек, редкость частных библиотечных собраний [29, с. 43–45, 48, 51].

Между тем в читателе, писал он в другом уже своем фундаментальном исследовании («Психология читателя и книги», 1928), непосредственно отражается общественная жизнь, подобно тому, «как в капле воды отражается окружающая среда». Изу-

чение читательских интересов (индивидуальности читателя) приводит нас к необходимости исследования читателя и чтения как общественного феномена: с одной стороны, «всякий читатель знает всякую книгу только в качестве своей (субъективной) проекции, то есть комплекса возбужденных ею переживаний». С другой стороны, индивидуальные «уклонения» разных читателей от выясненного среднего уровня, который «характеризует коллектив», позволяют лучше понять и личность (как заинтересованного потребителя издательской продукции), и общую социальную среду книжного дела. Важную роль

в этом сложном процессе функционирования книги в социокультурном, в терминах современной науки, пространстве играют «энграммы» социального происхождения, нивелирующие индивидуальное [7, с. 90–91]. Читающая публика — вот та историческая арена, на которой происходит борьба идей, характеризующих ту или иную эпоху и определяющих уровень развития общественной культуры индивидуума и социального коллектива.

Немного устаревшие представления Н.А. Рубакина ничуть не умаляют актуальности сделанных им некогда выводов. Изучение «книжной диаспоры» (т. е. диаспор различных книг, комбинирующихся в каждую историческую эпоху и в каждой социальной группе по-разному и одновременно типологически схожим образом) несомненно имеет важное научное значение. В конкретной книге, являющейся своеобразным маркером общественных умонастроений и определенных доминантных когнитивных смыслов «культуры повседневности», фокусируется соотношение «типа книги» с «типом читателя».

Судьба всякой книги есть специфический объект внимания и многообразный, весьма увлекательный предмет исследования библиографа и книговеда, историка литературы и литературоведа.

Примечание

¹ В настоящее время ситуация изменилась: В. Скотт «вернулся» к нашему читателю. Роман «Айвенго», впервые вышедший на русском языке еще в пушкинское время (СПб.: Тип. А. Смирдина, 1826), за последние годы переиздавался неоднократно: М.:

Альфа-книга, 2018, в серии «Большая иллюстрированная книга»; М.: Оникс-ЛИТ, 2019, иллюстрированное издание; М.: Эксмо, 2019, в формате pocket-book; М.: Лабиринт, 2021, на мелованной бумаге; М.: АСТ, 2022; М.: Восточная книга, 2022, параллельно на русском и английском языках в рамках проекта «Легкое чтение на английском языке».

Роман «Пуритане» часто переиздавался в советское время: М.: Художественная литература, 1971, серия «Библиотека всемирной литературы»; М.: Правда, 1986; М.: Художественная литература, 1988, серия «Классики и современники» в мягкой обложке.

Роман «Квентин Дорвард» может претендовать на номинацию бестселлера книжного рынка: М.: Астрель, 2012; Харьков: Клуб семейного чтения, 2014; М.: Вече, 2016; М.: Альфа-книга, 2018; М.: АСТ, 2022; М.: Эксмо, 2023; М.: НИГМА, 2023.

Многотомные издания появлялись не раз: полное собрание сочинений: в 20 т., М.: Государственное издательство художественной литературы, 1960–1965 гг.; собрание сочинений: в 8 т., М.: Правда, 1990; собрание сочинений: в 22 т., М.: Голос, 1992; собрание сочинений: в 20 т., М.: Терра, 1997.

Список источников

1. Беловицкая А.А. Понятие «чтение» как подсистема категории «книга» // Библиотекослов. 2009. № 5. С. 57–64. DOI: 10.25281/0869-608X-2009-0-5-57-64.
2. Сакулин П.Н. Русская литература. Социолого-синтетический обзор литературных стилей : в 2 ч. Ч. 2. Москва : Государственная академия художественных наук, 1929. 639 с.
3. Бестужев-Марлинский А.А. Сочинения : в 2 т. Т. 2. Москва : Художественная литература, 1981. 591 с.
4. Белинский В.Г. Собрание сочинений : в 9 т. Т. 3. Москва : Художественная литература, 1978. 614 с.

5. *Вяземский П.А.* Эстетика и литературная критика. Москва : Искусство, 1984. 458 с.
6. *Жуковский В.А.* Эстетика и критика. Москва : Искусство, 1985. 431 с.
7. *Daiches D.* Sir Walter Scott and his world. New York : Viking Press, 1971. 143 p.
8. *Рубакин Н.А.* Психология читателя и книги : краткое введение в библиологическую психологию. Москва : Книга, 1977. 262 с.
9. *Алексеев М.П.* Вальтер Скотт и его русские знакомства // Русско-английские литературные связи (XVIII век — первая половина XIX века) / Литературное наследство. Т. 91. Москва : Наука, 1982. С. 247–293.
10. *Елистратова А.А.* Скотт // История английской литературы. Т. 2. Вып. 1. Москва : АН СССР, 1953. С. 153–198.
11. *Реизов Б.Г.* Творчество Вальтера Скотта. Москва ; Ленинград : Художественная литература, 1965. 498 с.
12. *Левин Ю.Д.* Прижизненная слава Вальтера Скотта в России // Эпоха романтизма: из истории международных связей русской литературы / отв. ред. акад. М.П. Алексеев ; АН СССР, Ин-т рус. литературы (Пушкинский Дом). Ленинград : Наука, 1975. С. 5–67.
13. *Левидова И.М.* Вальтер Скотт : библиографический указатель к 125-летию со дня смерти. Москва : Изд-во Всесоюзной книжной палаты, 1958. 83 с.
14. *Лермонтов М.Ю.* Собрание сочинений : в 4 т. Т. 4. Москва ; Ленинград : Изд-во Академии наук СССР, 1962. 826 с.
15. *Панаев И.И.* Литературные воспоминания. Ленинград : Гослитиздат, 1950. 472 с.
16. *Кунин В.В.* Библиофилы пушкинской поры. Москва : Книга, 1979. 352 с.
17. *Саитов В.И.* Соболевский — друг Пушкина. Санкт-Петербург : Парфенон, 1922. 46 с.
18. Лермонтовская энциклопедия / Ин-т рус. лит. АН СССР (Пушкинский Дом) ; гл. ред. В.А. Мануйлов. Москва : Советская энциклопедия, 1981. 784 с.
19. *The Letters of Sir Walter Scott : in 12 vols. / (ed.) Grierson H.J.C.* London : Constable and Co, 1933. Vol. 4. 696 p.
20. *The journal of Sir Walter Scott / (ed.) Douglas D.* Oxford : Clarendon Press, 1972. 812 p.
21. *Johnson E.* Sir Walter Scott: The Great Unknown. Vol. 1–2. London : Hamish Hamilton, 1970. 1397 p.
22. Русские эстетические трактаты первой трети XIX века : в 2 т. Т. 2. Москва : Искусство, 1974. 646 с.
23. *Якубович Д.П.* Роль Франции в знакомстве России с романами Вальтера Скотта // Язык и литература : в 8 т. Т. 5. Ленинград : Академия наук СССР, 1930. С. 137–184.
24. *Чаадаев П.Я.* Статьи и письма. Москва : Современник, 1989. 621 с.
25. *Пушкин А.С.* Полное собрание сочинений : в 10 т. Т. 5. Москва : Наука, 1964. 638 с.
26. *Катенин П.А.* Размышления и разборы. Москва : Искусство, 1981. 374 с.
27. *Долинин А.А.* История, одетая в роман: Вальтер Скотт и его читатели. Москва : Книга, 1988. 318 с.
28. *Пушкин А.С.* Полное собрание сочинений : в 10 т. Т. 7. Москва : Наука, 1964. 765 с.
29. *Рубакин Н.А.* Избранное : в 2 т. Т. 1. Москва : Книга, 1975. 224 с.

Иллюстрации предоставлены автором статьи.

Статья поступила в редакцию 09.01.2024; одобрена после рецензирования 01.02.2024; принята к публикации 28.03.2024.

Phenomenon of “Not Boring” Book: W. Scott’s Novels in Reading Circle of Russian Educated Public of the 1820s—1830s

Nikolay N. Misyurov

F.M. Dostoevsky Omsk State University, Omsk, Russia

misiurovnn@omsu.ru; ORCID 0000-0001-5997-9653

Abstract. The relevance of the analyzed problem is conditioned by the phenomenon of subcultures formed around one or another successful publishing project. The paper considers the functioning of W. Scott’s popular novels in the socio-cultural space, the role of literary novelty in the formation of certain cognitive “meanings”, the axiological aspect of intercultural relations. The novelty of solving the research problem lies in the interdisciplinary approach, shifting the emphasis from the traditional literary studies to bibliology, which allows us to evaluate the empirical material from different perspectives. The “non-boring” reading characteristic of the final Romantic era, which brought the author and the reader closer together, is the result of the writer’s skill and the improvement of the publishing industry, as well as related processes (translation activities, book trade, the formation of public libraries and private collections). The influence of rapidly changing historical circumstances on the tastes of the reading audience is shown.

Keywords: Walter Scott, fiction, translated literature, history of reading, reading in Russia, book culture.

Citation: Misyurov N.N. Phenomenon of “Not Boring” Book: W. Scott’s Novels in Reading Circle of Russian Educated Public of the 1820s—1830s, *Bibliografiya i knigovedenie* [Bibliography and Bibliology], 2024, no. 1, pp. 87–100. DOI: 10.25281/2411-2305-2024-1-87-100.

The article was submitted 09.01.2024; approved after reviewing 01.02.2024;
accepted for publication 28.03.2024.

Вышли в свет

Указатели и каталоги

Сибирские огни : лит.-худож. и обществ.-полит. журнал : указ. содерж., 2016—2022 гг. / Новосиб. гос. обл. науч. б-ка, Информ.-библиогр. отд.; сост. Г.П. Рыбина. Новосибирск : НГОНБ, 2022. 129, [1] с. (К 100-летию журнала «Сибирские огни»). 16 экз.

Фонд Н.В. Никольского Отдела рукописей и редких книг Научной библиотеки им. Н.И. Лобачевского Казанского федерального университета : аннотир. указ. / Чуваш. гос. ин-т гуманитар. наук, Ин-т ист. им. Ш. Марджани Акад. наук Республ. Татарстан; сост. Р.Р. Исхаков. Чебоксары : ЧГИГН, 2023. 133, [1] с. : факс. 150 экз.